

УДК 001

Идеология потребления как регрессия и как развитие

Филиппов Евгений Денисович

Магистр философии,
независимый эксперт,
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5;
e-mail: wineyedsea@gmail.com

Аннотация

В статье предлагается глубокий анализ идеологии с точки зрения ценности развития культуры, подчеркивая её значимость в современном обществе. Идеология рассматривается как прибавочное наслаждение, возникающее в результате развития средств производства. Симптомы идеологии общества потребления объясняются как уклонение от истинного культурного прогресса, разыгрывание иллюзии развития и ожидание магического дара, который никогда не приходит. В статье опровергается распространённая точка зрения, согласно которой идеология постиндустриального общества ведет к неизбежному и тотальному рабству. В противоположность оценке потребления как наиболее утонченной формы господства, регрессивность идеологии потребления объясняется проявлениями устаревших или вульгарных форм культуры. К ним относятся аддикции, запланированное устаревание, искусственные потребности и фармакологическое лобби. Эти явления связываются с общим падением уровня мастерства в произведениях материальной культуры массового производства, что ставит под сомнение устойчивость и качество культурного развития.

Для цитирования в научных исследованиях

Филиппов Е.Д. Идеология потребления как регрессия и как развитие // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 10А. С. 28-37.

Ключевые слова

Идеология, общество потребления, прибавочное наслаждение, симптом, симулякр, товарный фетишизм, дикость, развитие.

Введение

Для исследования вопроса идеологии потребления и ее влияния на общество, рассмотрим систему взглядов на этот феномен основных философских школ.

Либертарианцы, утверждающие, что отсутствие государственной идеологии является необходимым условием для индивидуальной свободы, рассматривают свободу как относительную независимость в интеллектуальном выборе человека. В то же время, представители Франкфуртской школы воспринимают техноквилизацию как репрессивную систему контроля, поскольку понимают свободу как возвращение к равенству, присущему обществам до возникновения классов.

Ж. Делез указывал на общеисторический характер особого начала, движущего развитием капиталистической формации, саморазрушительного становления культуры [Делёз, Гваттари, 2010]. Бодрийяр писал о безжизненности рекурсивной системы производства, самовоспроизводящей отношения господства, в которых нет субъекта власти и единственным способом сопротивления которой является смерть [Бодрийяр, 2000]. С. Жижек пишет об идеологии потребления как об эффекте всеобщего порядка разрыва между реальным и символическим [Жижек, 2008].

Основное содержание

Интерпретации современной цивилизации в работах Ж. Делеза, Ж. Бодрийяра и С. Жижека исходят из понимания свободы как абсолютной категории, поэтому обнаруживают в современных производственных отношениях абсолютную несвободу или неизбежную «полусвободу». Как метаморфозы идеологии в постиндустриальном обществе должны выглядеть для исследователя, который считает свободу относительной категорией, а историю цивилизации развитием субъектности и появлением более сильного и красивого типа человека? Будут ли варварские черты культуры потребления казаться исследователю, который исходит из ценности биологического здоровья и человека как вида, результатом развития цивилизации или архаизмами и проявлением слабости? Возможно, стоит ответить на вопрос, можно ли считать потребителя менее суеверным и более здоровым по сравнению с человеком докапиталистических обществ? Потребление, как кажется, ослабило интерес к наиболее одиозным идеологиям индустриальных обществ. Можно сформулировать предположение, что если в обществе изобилия потребление не является идеологией, а наоборот освобождает потребителя от бремени участия в создании коллективного продукта? А также предположить, что если идеология является не идеальным содержанием материальной системы общественного труда и не идеалами, навязанными производящему классу потребляющим классом, но компенсацией неудовлетворенной потребности в развитии культуры, которая выражается в разыгрывании развития, то есть в символическом повторении развития вместо самого развития. Также можно сделать предположение, что если идеология сдерживает индивида от развития навыков производства новых форм культуры путем изобретения ритуалов и симптомов? И что, если идеологией постиндустриального общества является избыточное и вульгарное потребление, иррациональные траты и интоксикация, а не накопление частной собственности. Стоит задуматься над тем, можно ли считать заблуждения и ошибки символической компенсации развития культуры частью человеческой природы. Возникает впечатление, что развитие средств производства требует ослабления иррационального отравления и обеднения

потребителя, отказа от импульсивных крайностей полярных политических точек зрения и воспитания культуры физического и психологического здоровья. Можно сделать вывод, что в постиндустриальном обществе идеология исчезает как средство господства, как компенсация социальной мобильности и навязчивое повторение различных видов ритуалов.

Высшая форма общественных отношений становится целью развития этих отношений, случайное принимает характер необходимости. Ж. Делез показывает, как делимитация становления в движении капитала может рассматриваться как центральный сюжет истории цивилизации. Какой вывод нужно сделать из метаморфозы производственных отношений в постиндустриальном обществе? Необходимо увидеть, что производство культуры является производством развития. Изобретение орудий труда было не просто завоеванием превосходства над другими видами или фактором возникновения абстрактного мышления с его автономией от инстинктов, оно было освоением развития признаков особи самим организмом.

Современные корпорации изобретают технологии, которые создают новые объекты накопления, наборы социальных знаков для присвоения потребителем. Маркс определял идеологию как идеи господствующего класса, как господство класса, определяющего производственные отношения, над производством знания. Представители «левого» дискурса в философии, такие как А. Грамши, Г. Дебор, Р. Маркузе считали капиталистическую идеологию способом принуждения без насилия. Вильгельм Райх считал, что национал-социализм проник во внутренний мир немцев благодаря подавлению либидо, искусственному развитию комплекса вины и поиску фигуры авторитета, который был бы способен к искуплению этой вины. Является ли идеология чем-то изобретенным господствующим классом и чуждым массам ее носителей? Господствующие классы являются такими же носителями идеологии, как и массы вилланов или потребителей. Идеология изобретается одновременно как народный миф и как его художественное оформление интеллектуальным классом. Она необходима для того, чтобы компенсировать нехватку доступа к развитию культуры. Родовая община, тоталитарное государство или техноструктура требуют инвестирования усилий в коллективный культурный проект. Физическое напряжение и нервная активность присваиваются для того, чтобы быть перераспределенными в порядке установленной формы неравенства. Производящие классы создают прибавочный продукт, «сжигаемый» институтами господства, но аристократия и буржуазия также инвестируют в коллективный поток производства. Следовательно, чем меньше необходимо отчуждать в общую собственность, тем меньше необходимо иллюзий и соблазнов для того, чтобы убедить трудящегося в необходимости подчинения.

Общественное состояние требует способности к дару. Человеческая эусоциальность подразумевает создание коллективной собственности и ее приращение. Известно о находках костей неандертальцев, лишенных конечностей, но умерших в относительно преклонном возрасте, что свидетельствует о способности палеолитических охотников к состраданию и заботе о нуждающихся. Неолитическая община распределяет продукт коллективного труда в уравнительном порядке, но часть коллективной собственности потребляется слабейшими общинниками. Салическая правда франков требует от марки выплаты штрафов за преступника в случае его бедности. При этом культура является более затратной формой существования, чем животное состояние. Человек испытывает мучительные желания и не находит удовлетворения в физическом удовольствии *per se*. Он стремится к большим удовольствиям, чтобы снизить напряжение желания, но увеличение удовольствия не сопровождается удовлетворением, оно сопровождается дисфорией от возрастания удовольствия, тем, что Ж. Лакан называл прибавочным наслаждением.

В обществах охотников не существует накопления и создания запасов. Добыча делится поровну, инвестирование усилий в коллективный продукт сдерживает приращение индивидуальной собственности. Индивид беспомощен перед общиной, он мечтает о безопасности, об удаче и чуде. Община изобретает коллективный фантазм о чудесном даре, магические операции разыгрывают производство общественных благ, общая вера в особые свойства этих операций гарантирует результат без реальных усилий. Нарушение экономического и сексуального эгалитаризма ограничивается системой магических запретов. Табу компенсируют напряжение от внутренней работы по преодолению соблазна через фантастические ритуалы. Идеология тотемизма возникает как фольклор, но становится системой господства общины над индивидом. Таким образом идеология первоначально возникает как дисциплинарный дар культуры и как система симптомов, сдерживающих развитие производственных отношений, как сдерживание классового образования.

Выделение знати из общины приводит к делимитированию сил развития культуры, одновременно отличающиеся большей физической силой и более высокой интеллектуальной одаренностью, представители знати подчиняют соплеменников через операции кредитования, то есть при помощи более высокой производительности труда, и соседей посредством более высокотехнологического оружия, но, что важнее, благодаря более высокой агрессивности и жестокости. Тотемы номов и фратрий превращаются в покровителей сословий для знати и покровителей земледелия и ремесел для общинников. Идеология расщепляется на апотропическую и аграрную магию земледельцев и нуминозную и герметическую магию жрецов. Мифы изобретаются народом и оформляются как эпос интеллектуальным классом. Они воспитывают качества, необходимые знати: мужественность, смелость, гордость, благородство и презрение к черни. Политеистическая магия отклоняет поток избыточного продукта от накопления и технологического прогресса в храмы, курганы, пиры и атлетические культы.

Низшие слои классовых обществ становятся должниками, но близки к тому, чтобы стать собственниками, независимыми от кредитора или общины. Государство и аристократия обманывают и используют наименее одаренные классы. Неспособность использовать свои силы для борьбы и выплаты долга приводит к разочарованию в культурном состоянии, но в отличие от охотника зависимый общинник достаточно горд своей силой по преобразованию природы, чтобы мечтать о возвращении в животное состояние, о том, чтобы как добыча или солнечный свет средства существования просто обнаруживались готовыми в природе, о чистом магическом даре. Общинник становится ригористом и изобретает мазохистские практики, которые направляют усилия по ограничению животных импульсов на накопление воображаемой сакральной ликвидности. Он следует запретам культуры, но бунтует против порядка долга и неполноправия, он отрицает ценность собственности, но накапливает потустороннюю собственность, ценности духа. Мир становится расщепленным на посюстороннее, низменное, и потустороннее, подлинное, нетленное. Изобретается заклинание, которое должно захватить мысли и прервать монотонность меланхолии, оно является метафорой принятия культуры, но принятием безусловным и мазохистским, абсолютная любовь или абсолютное растворение Я. Магические ритуалы появляются позднее и являются вульгаризацией первоначальных учений, которые предлагают заклинания и оценки, а не пищевые запреты и практики самокалечения. Например, суть христианства в самом общем смысле в том, чтобы иначе смотреть на мир, чтобы он перестал быть миром страстей и стал Царством Небесным.

Христианство предлагает веру в накопление сакральности и в потустороннюю реальность социального капитала, в ирреальность порядка бесправия и условных форм собственности. Но

в недрах христианского общества зарождается капиталистическое накопление, «воспаривших» над поверхностью феодальных средств производства, и отрывающих вилланов от земли. Г. Маркузе писал, что свобода предпринимательств является несвободой, необходимостью производства в условиях риска и экономической конкуренции. В действительности огораживание и индустриализация сопровождалась окончательным освобождением субъекта от родового начала, детерриторизацией классов. Предпринимательство и наемный труд сопряжены с риском и более высокой степенью субъектности, поскольку производят товары, необходимые для выживания в меньшей степени, чем скот и зерно. Освобождение субъекта было бы невозможно без уничтожения феодальной системы коллективного инвестирования. Протестантизм был прежде всего акцией сопротивления концентрации прибавочного продукта католической церковью. Способность к накоплению разрушала внутреннюю конституцию «вспыльчивого кастеляна», готового уничтожить все на своем пути ради завоевания соседнего замка и с легкостью дарившего перед смертью свой феод церкви. Протестантизм обещает свободу от культуры за успех в производстве культуры. Если кальвинист инвестирует прибыль в предприятие вместо роскоши, он достигнет символического успеха, материального изобилия, символически свидетельствующего об избранности, если кальвинист останется по-христиански аскетичен и отдаст себя коллективному инвестированию, он заслужит свободу от ограниченности материального накопления.

В экономике выживания коллективное инвестирование обменивается на фантазию о магическом даре или даре свободы от материального мира, свободы призрака. Капиталистическая экономика является экономикой накопления, но коллективное инвестирование сохраняется в форме империалистического проекта, поэтому фантазия о потустороннем мире сменяется фантазией о власти, которая должна быть отобрана у успешного класса или этноса и перераспределена государством. Это фантазия не о безопасности, изобилии или свободе, а о превосходстве и победе в соревновании, но ее достижение представляется не через накопление, а в регрессивных формах насилия, которое в момент наивысшего накала революции или войны деградирует до худших форм средневековой или даже первобытной жестокости. Детерриторизация субъекта приводит к секуляризации идеологии, повышение субъектности и его вовлечение в внутриклассовую и межклассовую борьбу сопровождается поляризацией идеологии, или даже стратификацией идеологии, возникновением идеологии для каждой социальной страты и каждой степени отставания в эволюции цивилизаций. Эти идеологии предлагают фантазии об идеальном общественном состоянии, которые отличаются значительной регрессивностью. Социалистическая фантазия наделяет идеальное общество чертами обществ поздней ступени дикости: в советской России периода НЭПа пытались вернуться к групповому браку доклассовых обществ, к тому моменту в истории, который Энгельс считал моментом «первобытной чистоты», эмансипации полов, миром благородных дикарей, лишённых представлений о своем и чужом. Национал-социализм использовал образы классической античности, например, в фильме «Олимпия» Лени Рифеншталь, но подлинная национал-социалистическая фантазия ближе к миру германцев Тацита, к миру воинов-грабителей, которые презирают физический труд и проводят вечера за игрой в кости и прыжками через вкопанные в землю мечи, эта фантазия ближе к образу жизни викингов, *vikingr* = пиратствовать, искать легкого обогащения и торговать рабами.

Идеология определяется уровнем развития средств производства и производственных отношений. В условиях распространения ручного труда прибавочный продукт не может напрямую быть использован для развития технологий или материальной культуры. Ж. Батай

считал, что такой избыток подлежит уничтожению и человек должен овладеть порядком траты. В действительности, концентрация прибавочного продукта является социальным соревнованием и потlach является символической войной. Не существует необходимости уничтожать избыток экономических благ, но сакрализация прибавочного продукта является источником наслаждения, неудовольствия от возрастания желания. Производство идеологии является также производством мифов, зданий и украшений. Такое производство является уклонением от более тяжелой задачи поиска, риска и интеллектуального напряжения развития средств производства. Если охотники не хотят учиться новым формам ремесла, разделение труда уничтожает первобытный эгалитаризм, то в ранних классовых обществах мифология требует превращения части урожая в нечто обладающее большей реальностью, символической реальностью волшебства и материальной реальностью масок, идолов, мегалитов или пирамид. Граница между материальным накоплением богатств и сакральных ценностей исчезает, когда в глубине кургана вместе со скифским вождем засыпают его жены, лошади, татуировки, чепраки, шелка, войлочные маски и фигурки летящих журавлей.

Идеология появляется как воображаемый мир носителя культуры и превращается в способ господства класса, заинтересованного в сохранении этого уровня культуры. Никто никогда не изобретал мифологию, ритуалы или политические программы для того, чтобы подавить чье бы то ни было стремление к свободе или к власти. Но все формы коллективной идеологии использовались племенем или господствующим классом для того, чтобы навязать данную форму культуры, чтобы перенаправить агрессию угнетенных страт и снизить стресс от сомнений в выгодах культурного состояния. Ритуалы идеологии воспроизводят жертвы, революцию или накопление современной формы культуры, они закрепляют социальные нормы и навязывают искусственный производственный энтузиазм. Но разыгрывание развития культуры является тратой сил и материальных благ, оно снижает боль нехватки этого развития и тормозит переход от одной общественной формации к другой.

Накопление частной собственности является формой социального соревнования, преимуществом в котором наделяет превосходство в овладении принципом реальности, а не превосходство в природной агрессии. Изобилие, которое создает корпоративный капитализм, наделяет трудящиеся страты правом развития материальных условий существования. Это не развитие самого человека, то есть способностей к приобретению признаков и внутренних связей. Это экстенсивный экономический рост и производство, которое удовлетворяет противоестественные и даже искусственные потребности: фармоиндустрия, товары Гиффена и дофаминовая интоксикация однородным контентом. Оно является разыгрыванием подлинного развития, но не является разыгрыванием развития в симптомах самообмана. Капиталистическая экономика лишена необходимости в компенсации нехватки наслаждения, поскольку накопление является источником наслаждения. Но экономика изобилия остается экономикой концентрации и перераспределения коллективного продукта. Она также возникает спонтанным образом, ее эпифеноменальные качества задаются логикой истории техники, индивидуальная воля исчезает в непрерывности игры коллективных сил. Маркс видел в спонтанности возникновения отношений товарообмена несвободу их участников. Глава «Капитала» о товарном фетишизме отвечает на вопрос о том, почему товарная форма кажется загадочной и требует диалектического объяснения через трудовую теорию стоимости [Маркс, 1960]. Ответ Маркса: в отношениях вещей люди видят отношения людей, потому что отношения людей скрыты от них самих. Также как мы видим сам предмет, а не взаимодействие фотонов с рецепторами сетчатки, товарообмен является отражением общественных отношений, в которых производство принимает товарную форму. Другими словами, товарообмен возникает не по воле

человека, он является порядком, господствующим над индивидом. Дело не только в том, что Маркс считает возможным существование общества, в котором не будет действовать природный закон неравенства, но и в том, что Маркс считает более совершенную ступень развития общества ступенью высшей субъектности, полного контроля человека над порядком производственных отношений. Таким образом товарная форма скрывает несовершенство экономических отношений, сохраняющих неравенство потому, что неравенство является предикатом несовершенной субъектности. Можно ли считать товарообмен формой симптома, как предлагает в «Возвышенном объекте идеологии» С. Жижек [Жижек, 1999]? Товарообмен можно считать отклонением от развития только, если принимать противоестественность для человеческого мира социального соревнования, неотделимого от неравенства. Проблема картины мира, в которой путь развития преломляется, в том, что она может стать источником нигилистической оценки культуры. Если капиталистическая экономика является миром неизбежного обмана, «они делают это, но не сознают, что делают это», то освободиться от этого тотального рабства можно только через бунт и смерть. Ж. Бодрийяр кажется противоречивым в своих рассуждениях об омертвленном труде и отсроченной смерти, но смысл его оценок не в том, чтобы показать, как можно избежать девальвации, а в том, чтобы показать девальвацию как закон развития культуры. Но культура потребления пронизана противоестественными эксцессами. Как объяснить видимую тотальность мира потребления, его диалектику вещи для себя? Постиндустриальная экономика снимает запрет на наслаждение развитием, но она, как и любые формы культуры и жизни сохраняет в себе следы низших форм культуры, иррациональность потребления – это дикость капитализма, а не тотальность цивилизации.

В США в 50-е годы XX века количество белых воротничков превысило количество синих воротничков, распространение автомобилей вызвало к жизни культуру фаст-фуда и пригородов, общее ощущение изобилия привело к демографическому взрыву. Массовое производство превратило потребление в движущее начало экономического роста. Для повышения прибыли корпорации стали применять метод запланированного устаревания, массовая культура вульгаризировалась. Г. Маркузе охарактеризовал общество потребления как общество тотального контроля, в котором подавляется творческое начало индивида [Маркузе, 2011]. Ги Дебор увидел в корпоративном маркетинге и медиа мир видимости, скрывающий реальность тотального рабства [Дебор, 2011]. Бодрийяр обнаружил в потреблении магический культ Карго, ожидание счастья, которое будет даровано потребителю корпорациями [Бодрийяр, 2006]. Что в действительности можно считать мифологией потребления, иррациональным и вынужденным поведением потребителя, навязанной структурой желания и кого считать изобретателем этого порядка господства? Очевидно, что массовое производство являлось спонтанным продуктом технического прогресса, изобретений, разработка которых была оплачена корпорациями и государством и часть из которых была связана с военными заказами. Но в условиях общедоступности знаков социального престижа увеличение производительности труда стало выгодным для самого субъекта труда.

Метаморфоза постиндустриальной цивилизации заключается не в изобретении новых форм контроля, а в исчезновении необходимости в навязанном энтузиазме для носителя культуры изобилия. Потребление является идеологией в своих низших и диких формах: производящие классы прячутся от меланхолии полуживотного образа жизни в искусственных наслаждениях. Аддиктивность товаров, наделенных искусственным вкусом или шокирующих органы чувств, отвечает потребностям классов, не заинтересованных в развитии человеческого капитала. Токсичные и лишённые нутриентов продукты часто являются атавизмами индустриальной эпохи. Реклама воспроизводит первичный фантазм об изобилии, накоплении или статусном

потреблении. Она создает искусственные потребности тогда, когда использует методы манипуляции высшей нервной системой при помощи запахов или императивов, скрывает запланированное устаревание или просто подделывает данные независимых научных исследований. Товары буквально становятся источником духовного опыта, они восстанавливают внутреннее равновесие. Идеология общества потребления является проявлениями слабости беднейших стран, преступлениями корпораций и устаревшими технологиями удешевления тиражируемых товаров. Фантазмы рекламы или иллюзии маркетинга не являются источниками желания накопления, этим источником является стремление к развитию культуры. Идеология как мифология и комплекс ритуалов заменяется аддиктивным, вредным или расточительным консьюмеризмом.

Само по себе статусное потребление не является развитием культуры, оно является символическим разыгрыванием «социального соревнования», его внешним выражением, но таким, которое вызывает к жизни стремление к реальному господству. Степень реальности субъекта определяется способностью к производству избытка культурного кода, социальное превосходство обеспечивает субъекта средствами приращения собственной реальности, но само производство реальности содержания субъекта является приобретением мастерства. Идеология препятствует доместицированию человека, аддикции и неестественные удовольствия отнимают средства, которые могли бы быть инвестированы в развитие производительности труда. Но идеология является эффектом ошибок в освоении культуры. Идеологическая интерпретация мира возможна при условии дефектности высшей нервной деятельности и логического аппарата. Мифология преувеличивает наличие желаемых качеств в субъекте одаривания. Фантазм предлагает желанную реальность, в которой опасные образы травмы заменяются иносказательными метафорами, фигура отца заменяется волшебным животным, а вытесненная агрессия и чувство вины порождают монстров или сцены насильственных преступлений. Эти фантазмы являются знаками дефектов развития субъекта, задержек в переходе от одной стадии становления психического аппарата к более высокой стадии, следами сопротивления сил сохранения гомеостаза, тех сил, которые З. Фрейд связывал с началом стремления к смерти, слабости субъекта в развитии внутренней дисциплины. Эти дефекты уникальны для каждого человека. Они формируют неповторимые стратегии и программы поведения личности. Точка зрения субъекта является одновременно взглядом в пустоту, которая разделяет его расщепленное содержание, и которая отделяет его от Другого, от полноты коллективного Я. Коллективные формы идеологии вульгарны, буквально являются «вкусами толпы», потому что определяются коллективной точкой зрения, дефекты которой возникли в результате сопротивления коллективному инвестированию культурного кода. Субъект обладает социальным статусом и степенью биологической и интеллектуальной одаренности, личными болезнями и мутациями, тайной красотой, наделяющей его символический язык реальностью.

По мнению автора, формирование личной идеологии напоминает возникновение новых признаков в результате мутаций генетического материала. Она также является точкой зрения, расположенной внутри социальной иерархии, то есть наделяет индивида стремлением к социальному соревнованию. Но развитие идеологии является ее уничтожением. Идеология является стремлением к развитию, которое приводит к задержке этого развития. Можно видеть собственные слабости, но нужно видеть в них слабости, а не подлинную реальность внутреннего мира. Способность совершать ошибки, делает человека склонным к бегству в воображаемый мир, но также делает возможным выбор и относительную свободу. Согласно мнению С. Жижека противоречие внутреннего мира человека можно найти в устройстве реальности, в порядке

мироздания. Красоту человека можно увидеть, только если уметь определять его особенность, его противоречивость. Склонность человека к заблуждениям является следствием удивительного совпадения, случайности, которая наделила животное даром саморазвития. Иллюзии и преувеличения сопровождают это саморазвитие как абберации, как мутации и проявления индивидуальности поиска новых форм производства. Они неизбежны для человеческой природы.

Заключение

Смысл исследования идеологии в том, чтобы приобрести субъектность, власть над миром фантазий. Эту власть можно получить только меняя материальную реальность, определяющую свое символическое отражение. Ницше считал, что познание является ложным, поскольку оно относительно, но «полезное» заблуждение позволяет особи выжить и овладеть жизненным пространством. Каким образом превратить идеологию в «благородное» заблуждение, в средство совершенствования человеческих способностей? Потребление является низшей формой индивидуального накопления артефактов культуры, самой примитивной формой потребности в развитии, но оно освобождает от желания компенсировать коллективное инвестирование иррациональными ритуалами. По мнению автора, потребление приводит к снижению суеверности, а не к тотальной симуляции производства. Идеология может стать «благородным заблуждением» для того, кто в ней не нуждается, средством совершенствования культуры, но она может быть выражением здоровой точки зрения, может быть преувеличением красоты истории цивилизации и человека, переживанием красоты жизни.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 174 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля. Перевод с французского Антона Уриновского. М.: Опустошитель, 2011. 180 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.
6. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. Москва: Издательство «Художественный журнал», 1999. 234 с.
7. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Издательство «Европа», 2008. 516 с.
8. Маркс К. Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 23. М.: Политиздат, 1960. 900 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 3. М.: Политиздат, 1955. 629 с.
10. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Герберт Маркузе; пер. с англ. АА Юдина. М.: АСТ: Астрель, 2011. 382 с.

The Ideology of Consumption as Regression and Development

Evgenii D. Filippov

Master of Philosophy,
Independent Expert,
119019, 3/5, Vozdvizhenka str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: wineeyedsea@gmail.com

Evgenii D. Filippov

Abstract

The article offers an in-depth analysis of ideology from the perspective of the value of cultural development, emphasizing its significance in modern society. Ideology is considered as surplus enjoyment arising from the development of means of production. The symptoms of the ideology of consumer society are explained as a deviation from true cultural progress, the staging of an illusion of development, and the expectation of a magical gift that never arrives. The article refutes the widespread view that the ideology of post-industrial society leads to inevitable and total enslavement. In contrast to the assessment of consumption as the most refined form of domination, the regressiveness of the ideology of consumption is explained by manifestations of outdated or vulgar forms of culture. These include addictions, planned obsolescence, artificial needs, and pharmacological lobbying. These phenomena are linked to the general decline in the level of craftsmanship in mass-produced material culture, calling into question the sustainability and quality of cultural development.

For citation

Filippov E.D. (2024) Ideologiya potrebleniya kak regressiya i kak razvitie [The Ideology of Consumption as Regression and Development]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (10A), pp. 28-37.

Keywords

Ideology, consumer society, surplus enjoyment, symptom, simulacrum, commodity fetishism, savagery, development.

References

1. Baudrillard J. (2006). *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society]. M.: Respublika; Kul'turnaya revolyutsiya, 174 p.
2. Baudrillard J. (2000). *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. M.: Dobrosvet, 387 p.
3. Baudrillard J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and Simulation]. M.: Postum, 240 p.
4. Debord G. (2011). *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Perevod s frantsuzskogo Antona Urinovskogo. M.: Opustositel', 180 p.
5. Deleuze J., Guattari F. (2010). *Kapitalizm i shizofreniya: Tysyacha plato* [Capitalism and Schizophrenia: A Thousand Plateaus]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 896 p.
6. Žižek S. (1999). *Vozvyshennyi Ob'ekt Ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moskva: Izdatel'stvo "Khudozhestvennyy zhurnal", 234 p.
7. Žižek S. (2008). *Ustroystvo razryva: Parallaknoe videnie* [The Indivisible Remainder: An Essay on Schelling and Related Matters]. M.: Izdatel'stvo "Evropa", 516 p.
8. Marx K. (1960). *Kapital. Tom pervyy* [Capital. Volume One]. In Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy*, izd. 2, t. 23. M.: Politizdat, 900 p.
9. Marx K., Engels F. (1955). *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. In Marx K., Engels F. *Sobranie sochineniy*, izd. 2, t. 3. M.: Politizdat, 629 p.
10. Marcuse H. (2011). *Kriticheskaya teoriya obshchestva: Izbrannye raboty po filosofii i sotsial'noy kritike* [Critical Theory of Society: Selected Writings on Philosophy and Social Critique]. M.: ACT; Astrel', 382 p.